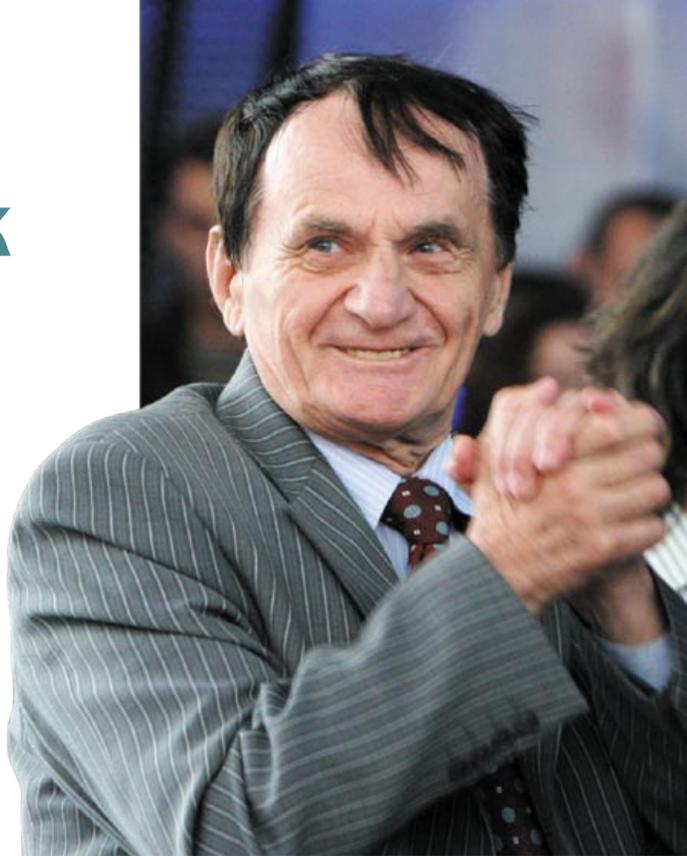

Советский человек Игорь Лученюк

Три любви народного артиста СССР:
Родина, комсомол и песня

В последний год жизни Игорь Михайлович Лученюк ослабел до чрезвычайности. Как нахохлившийся воробей, пронзительно глядел он из огромного кресла, принимая поздравления с 80-летием и словно удивляясь, к чему вся эта суета. Но, пересаженный за пианино, волшебным образом ожил, и после двух-трех неловких аккордов его певучие пальцы уже порхали в ритме «Майского вальса».

— Как в этом состоянии он доехал до Витебска?! – недоумевает председатель Белорусского союза композиторов Елена Атрашкевич. – Откуда взял силы председательствовать в конкурсном жюри, слушать, обсуждать, выносить вердикт? Это ведь огромная работа.

Он знал, что его ждут, и не мог подвести людей.

Фестиваль творчества инвалидов, который проходит в Витебске одновременно со «Славянским базаром», – детище его друга Владимира Потапенко, создателя Белорусского общества инвалидов, колясочника с 40-летним стажем. В 2004 году, когда рождался фестиваль, Владимир Петрович попросил Лученюка возглавить жюри, и композитор из года в год отдавал этой работе частичку своего сердца.

Он не чурался ни дисбатов, ни лечебно-трудовых профилакториев. Навещал, вытаскивал, даже если не знал человека лично. Обивал пороги, вымаливая для друзей и врагов квартиры и звания. Мог снять с себя последнюю рубаху, если кто-то в ней нуждался.

– Это говорит о его необыкновенной скромности и внутренней самодостаточности, – подытоживает Елена Атрашкевич. – Он целиком отдавал себя, не превращая это в подвиг. В нем жил не только щедрый дар мелодиста, но и благородная, отзывчивая душа.

«Комсомольская юность, никогда ты покоя не знала...»

Эта песня на стихи Николая Алтухова, пропетая суровым армейским баритоном Виктора Вуячича, отражает очень важную часть мироощущения Лученюка. Лихорадочно быстрый марш с начала до конца выдержан в миноре. Тревожные возгласы труб, как всполохи костров, как кровавое пламя восхода над пустынной землей. «Впереди у меня непочатое море работы» – на этих словах мелодия взлетает на максимальную, отчаянную высоту, а голос почти срывается в крик. Уже тогда, в 1975 году, он ощущал, что до конца дней будет биться над каждой нотой, сколько бы его ни осыпали аплодисментами и наградами.

«То, что все говорят, – ерунда, – взъерошенной кометой пронеслся он из угла в угол консерваторского класса. – Публика ничего не понимает. Но если твои авторитеты сказали, „Исправляй!“, – садись и переделывай».

Преподавание не было его стихией. Три года ректорства, которое Лученок на себя взвалил, очень скоро обнажили его полнейшую несовместимость с академической средой. «Как я ненавижу вашу конси-сторию!» – восклицал он то ли в шутку, то ли в сердцах и с облегчением покинул ректорский кабинет, где после него воцарился Михаил Козинец – первый некомпозитор на этом посту за все послевоенные годы.

«Он целиком отдавал себя, не превращая это в подвиг».

Игорю Михайловичу и в молодые годы, и в зрелости больше нравилось не учить, а учиться. Общаться с теми немногими, кого почитал как наставников не только в музыке, но и в жизни. «Нет-нет, не скурвится!» – обсуждал он по телефону с Пахмутовой, принимать ли в союз одного ныне известного композитора.

С трепетом относился Лученок к Тихону Николаевичу Хренникову, и не только потому, что учился у него в аспирантуре Московской консерватории. Многоопытный мэтр 43 года возглавлял

В средней специальной музыкальной школе при Белгосконсерватории Лученок впервые по-настоящему ощутил себя музыкантом. Середина 1950-х годов

Союз композиторов СССР, Лученок по его стопам 38 лет – с 1980 года вплоть до кончины – руководил композиторской организацией Беларуси. У кого, если не у Хренникова, постигал он трудную школу взаимодействия с государством, с непростыми по характеру творческими людьми.

Исаак Любан – создатель Союза композиторов БССР – с этими задачами не справился. Тем не менее в начале 1970-х Лученок навещал его в Москве. «Я смотрел на него как на классика белорусской советской песни, – рассказывал Игорь Михайлович в телепередаче „Свет далекой звезды“. – У него

Лученок боготворил родителей и старался почаще у них бывать. Марьяна Горка. 1985 год

Полвека любви: Игорь и Александра Лученок. Конец 1960-х годов

Игорь Лученюк с самодеятельным композитором Олегом Ивановым и участниками IX Всесоюзного комсомольского слета. 1977 год

была жизнь очень непростая, сложная, героическая и трагическая. Но он остался навсегда лириком – и в любовных, и в героико-патриотических песнях. Это наша традиция, которую мы продолжаем, символ нашей музыкальной Беларуси».

Но особенно гордился Лученюк своей судьбоносной встречей с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем. Величайший композитор XX века внимательно

выслушал его сочинения и изрек: «Молодой человек, вы можете сочинять и оратории, и оперы, но лучше пишите песни. У вас к этому выдающийся талант».

Вердикт гения стал для Лученюка руководством к действию.

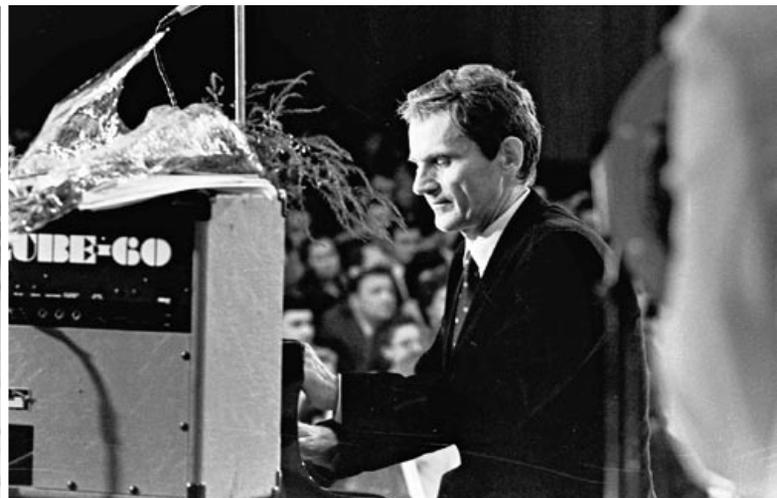
– Сколько песен вы написали? – спрашивали у него.

– Не знаю, не считал.

С ансамблем «Песняры» и его руководителем Владимиром Мулявиным композитора связывала многолетняя творческая дружба. 1977 год

Будучи прекрасным пианистом, во время своих авторских концертов Игорь Лученюк охотно садился за рояль. 1985 год

В 1977 году Игорь Лученко написал песню на стихи народного поэта Дагестана Расула Гамзатова «И в этом повинна жизнь одна». Момент творческой дискуссии

Игорь Лученко с женой начальника Пуховичского райотдела милиции Валентиной Савченко. Фото из домашнего альбома семьи Савченко. Середина 1980-х годов

В молодые годы он написал массу непесенных произведений – увертюру-фантазию для симфонического оркестра, три кантаты, несколько сонат, струнный квартет. Сочинял даже музыку для цирка. Из всего этого известна лишь кантата «Гусяр», да и то потому, что Мулявин превратил ее в рок-оперу.

**«Лучше пишете песни.
У вас к этому выдающийся талант».**

Остальное – разлитое море песен. По самым скромным подсчетам, не менее двухсот.

– Однажды в Минск приехал ленинградский композитор Андрей Петров, – вспоминает ветеран белорусской фотографии Юрий Иванов, – и при мне посоветовал Лученку: «Напиши оперетту! Песни, конечно, тоже хорошо, но нужно какое-то глобальное сочинение». Позже при встрече я Игорю говорю: «А что, хорошая идея! Давай подумаем над либретто. Дударева привлечем...» Он метнул в меня негодующий взгляд: «Я никогда не буду писать оперетт! Это не мое!»

Оперетта и комсомол в сознании Лученка явно не сочетались, а комсомол был для него предельно важен. «Я – вечный комсомолец, – с гордостью сообщал он в 1988 году в интервью армейской газете „Вперед“. – Я был 12 лет членом ЦК ВЛКСМ. Найдите

еще такого музыканта, который был 12 лет членом ЦК ВЛКСМ».

Свое членство он принимал близко к сердцу, даже когда комсомол уже исчез. До последних дней на вопрос о возрасте неизменно отвечал: «Двадцать семь», – потому что в двадцать восемь рядовые комсомольцы автоматически выбывали из организации. Дожив до восьмидесяти, он, подобно

Отзывчивый на людскую беду, вместе с директором Объединения творческих союзов молодежи Беларуси Е. Копелевой композитор проехал по многим районам, пострадавшим от чернобыльской аварии. 1994 год

Игорь Лученюк и Александра Пахмутова на торжественном закрытии международного фестиваля «Золотой шлягер». 6 ноября 2005 года

В Могилеве во время четырехчасового концерта народного артиста СССР Иосифа Кобзона прозвучало много песен Лученюка. 23 октября 2012 года

мэтрам рок-н-ролла, так и не сделался маститым седовласым старцем. Что-то юношеское, благодаря этой комсомольской вере, сохранялось в его облике и повадках до самого конца.

**«Лученюк не был бедным,
но боялся быть богатым».**

Сюда же добавлялась и армия, в которой Лученюк не служил. «Что главное в вашей жизни?» – спрашивал журналист в том же интервью. «Дружба с комсомолом и армией», – обаятельно улыбался он. Поручкой тому – бесчисленные шефские концерты, с которыми он ездил в самые безотрадные уголки бывшего СССР.

– Однажды в 1960-х годах я встретился с Григорием Романовичем Ширмой. Он был в то время председателем Союза композиторов, – рассказывает Юрий Иванов. – Спросил у него: «Григорий Романович, как вы относитесь к Игорю Михайловичу Лученюку?» Он говорит: «Хороший композитор, мелодист». А потом вдруг задумался и сказал: «Если его комсомол не испортит».

Иванов убежден, что комсомол Лученюка не только не испортил, но воспитал в нем нравственные качества, которые кому-то покажутся неправдоподоб-

ными. Удостоившись в 1972 году премии Ленинского комсомола, Игорь Михайлович первым делом поинтересовался, сколько она будет в деньгах. А узнав, что на эту сумму можно приобрести несколько автомобилей, кинулся занимать у друзей, чтобы как можно быстрее передать ее до копейки в Фонд мира. Получив премию, долг сразу же вернул.

В обсуждении деталей гала-концерта мастеров искусств Беларуси. С режиссером-постановщиком «Славянского базара в Витебске» Ниной Осиповой. 2012 год

При том, что его семья на тот момент отнюдь не роскошествовала, да и в более поздние годы не позволяла себе лишних трат.

– Лученок не был бедным, но боялся быть богатым. Это настоящий советский человек, – резюмирует Юрий Иванов.

Сам Игорь Михайлович сказал мне об этом иначе: « У меня нет ни студии, ни даже мобильного телефона. Зато, будучи депутатом, я выбил для композиторов и писателей свыше 130 квартир».

Многие ли из них были ему благодарны? Подозреваю, считанные единицы. Но он всегда оставался щедрым, часто за собственный счет.

«Не спится только ветерану...»

Возглавив Союз композиторов БССР, Лученок менее чем через год проводит пленум Всесоюзной комиссии военно-патриотической музыки.

«Писать о подвиге народа – значит выполнить свой человеческий долг, раскрыть свою любовь и ненависть, зажечь людские сердца», – утверждает он в 1985 году в редакционной беседе журнала «Советская музыка». – Наша великая цель сегодня – жить и творить по законам народного подвига, воспеть его в камне, в бронзе, в поэтических строках, в звуках музыки».

С этим чувством он жил и созидал с середины 1960-х. Накануне двадцатилетия Великой Победы самодеятельный поэт Михаил Гольдман принес молодому композитору удивительное по тем временам стихотворение:

Когда ночь город обнимает
И молча звезды зажигает,
А песня сердце приласкает,
И Минск уставший мирно спит, –
Не спится только ветерану,
Войны минувшей партизану:
Ночь растревожила в нем раны,
И память сердца говорит...

Искренность этих строк потрясла композитора. Как и судьба их творца, который восемнадцатилетним мальчишкой ушел на фронт из пылающих цехов Сталинградского метизного завода, а завершил войну в Чехословакии старшим лейтенантом 854-го

Первый заместитель министра культуры Ирина Дрига в Республиканском доме молодежи поздравляет Игоря Лученку с 80-летием. 6 августа 2018 года

артиллерийского полка. Отчаянно отважный на поле боя, он слыл в мирной жизни юмористом и весельчаком. И лишь немногие знали о его душевной боли, о погибших родных и друзьях, о горячей и личной ненависти к фашизму, которая лишь намеком просвечивала в его задушевных лирических стихах.

«Наша великая цель сегодня – жить и творить по законам народного подвига».

Всю эту боль 26-летний композитор сумел выразить в своей песне. В 1966 году «Память сердца» Игоря Лученка на стихи Михаила Ясеня (творческий псевдоним Михаила Гольдмана) сенсационно выиграла Всесоюзный конкурс на лучшую советскую песню, а исполнявший ее солист ансамбля песни и пляски Белорусского военного округа Виктор Вуячич стал лауреатом масштабного и престижного творческого соревнования.

Как удалось никому не известным белорусам покорить звездное жюри во главе с легендарным Леонидом Утесовым?

Песня объективно была лучшей. Лученок сочинял, повинуюсь Божьему дару, о котором со

свойственной ему скромностью говорил: «Мелодия у меня от мамы и папы». Но сколько за этим труда, душевной боли и бессонных ночей!

Творческий дуэт Лученок – Ясень этим шедевром не ограничился. Вспомним «Письмо из 45-го», «Наш медсанбат», «Старое кино», «Майский вальс».

Или взять «Хатынь» на слова Григория Петренко, которую блестяще исполняли «Песняры». Эту песню Лученок сочинил через два года после создания мемориального комплекса. О хатынской трагедии, да и в целом о геноциде белорусского народа тогда мало кто знал. Благодаря Лученку нашу боль разделили миллионы людей в СССР и по всему миру.

Откуда же композитор все это чувствовал? Может быть, потому что четырехлетним ребенком очень близко видел чудовищный лик войны.

Великая Отечественная застала Лученков в Гомеле. Отца как врача сразу забрали на фронт, а будущего композитора вместе с мамой и старшей сестрой Ларисой эвакуировали в товарном вагоне в Ростовскую область. «Хутор Бакланово, станция Морозовская, – рассказывал Игорь Михайлович в одном из газетных интервью. – Там мы жили год, а немцы наступали. Сейчас трудно сказать, дошли ли

Дорогой сердцу Лученка родительский дом и беседка, где он любил принимать гостей. Марьина Горка. Июль 2023 года

они до нашего хутора. Я в прошлом году написал письмо сыну Михаила Шолохова, чтобы уточнить этот факт, и он ответил, что фашисты дошли только до Миллерово».

Как нашел их отец в военной неразберихе, великая тайна. Но приехал и забрал в Сталинград, где, по рассказам Лученка, было очень голодно. Эвакуированные из Ленинграда умирали сотнями. «Но папа был военный врач, получал паек, и

Бывший директор, а ныне научный сотрудник Пуховичского краеведческого музея Александр Пранович продолжает собирать произведения искусства, запечатлевшие облик его друга Игоря Лученка. Июль 2023 года

мы выжили, – рассказывал Игорь Михайлович. – Перекантовались некоторое время на вокзале, вскоре отцу дали направление – Сталинградская железная дорога, город Сальск. Он работал там врачом, а мама – в техникуме. Мы жили в Сальске с 1942 по 1946-й, три месяца были там в оккупации. Немцы нас не бомбили – они тихо вошли и тихо ушли, а бои шли на Кавказе, в Новороссийске. Окончил первый класс школы, и мы уехали где-то в конце июля 1946 года. Сальск – это родина Буденного, даже Сталин там проезжал. Теперь я там свой человек, почетный гражданин, бываю регулярно».

А как же тогда знаменитая история о развязавшемся шнурке? Якобы маленький Игорек вместе с мамой и сестрой бежали из Сальска под немецкими бомбами. У малыша на ботиночке развязался шнурок, мама с Ларисой остановились, чтобы завязать, и в этот момент бежавшую впереди толпу накрыло взрывом.

Эту легенду любил рассказывать и сам композитор, и его ближайшие друзья. Но, вероятнее всего, это такая же фантазия, как о забытой в Сальске собаке, которая удивительным образом отыскала их потом в Марьиной Горке. «Я помню эту собаку!» – уверял композитор.

Он обожал подобные мистификации и сам в них искренне верил. Это неотделимая часть его таланта, из-за чего грядущим биографам Лученка окажется трудно отличить сказку от были.

Взять хотя бы историю с Марьиной Горкой, которая была для Лученка и родной, и неродной. Но у порога его дедовского дома осознаешь, что без Марьиной Горки понять творчество и судьбу Игоря Михайловича невозможно.

«Мар’іна Горка – светлая зорка...»

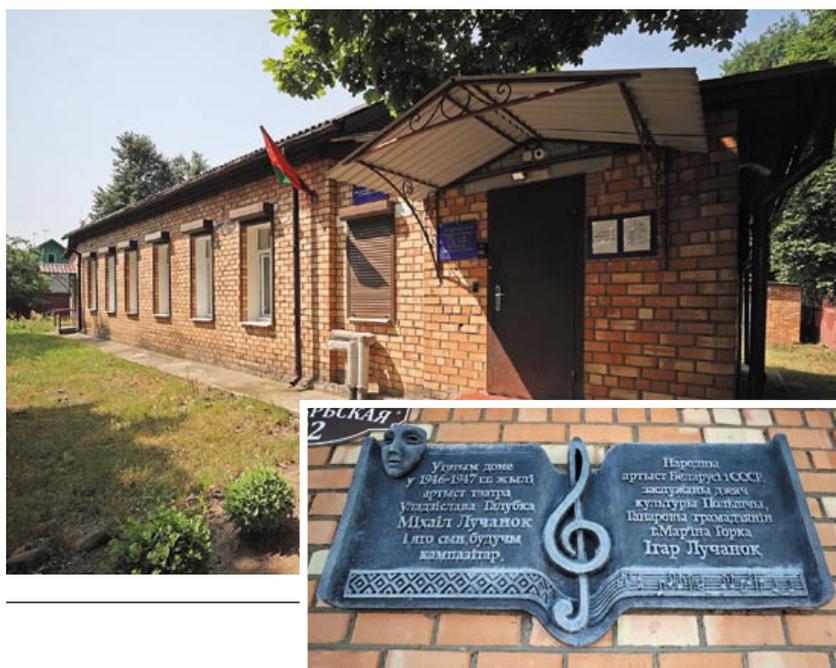
Во всех энциклопедиях советской эпохи этот одноэтажный тихий городок, непринужденно раскинувшийся по берегам Свислочи, значит как место рождения Игоря Лученка. Но композитор появился на свет в Минске, а в Марьину Горку приехал в возрасте восьми лет, очень недолго проучился здесь в школе и вернулся в Минск – теперь уже до конца своих дней.

Впрочем, и довоенное пребывание в Минске оказалось недолгим. «Через три месяца после моего рождения мы вернулись в Гомель», – лаконично признавался он.

Почему? Ведь отец, окончивший в 1930-е годы Минский мединститут, работал психиатром то в Могилеве, то в Минске. В Гомеле психиатрической больницы еще не было. И таких загадок в биографии Игоря Михайловича хоть отбавляй.

Можно долго рассказывать о его родословной. О матери Александре Герасимовне, происходившей из бобруйского дворянского рода Жуков. Об отце Михаиле Лукиче, который, как обмолвился однажды композитор, был не просто скрипачом в театре первого народного артиста БССР Владислава Голубка, но и состоял с ним в родстве. Даже дом по адресу Червенский тракт, 112, где 6 августа 1938 года родился Игорь Лученко, принадлежал родственникам опального актера.

Мемориальная доска на бывшей железнодорожной амбулатории в Марьиной Горке установлена стараниями самого Лученка. Июль 2023 года

Валентина и Виктор Савченко с наслаждением вспоминают минуты общения с Игорем Лученком. Июль 2023 года

Такие связи в советские времена предпочитали скрывать, и композитор для надежности переносит место своего рождения в неприметную Марьину Горку, где семья совершенно случайно оказалась после войны.

– Если бы Михаила Лукича в 1946 году не направили заведовать железнодорожной амбулаторией на станции Пуховичи, Лученки и дальше жили бы в Сальске, – убежден бывший директор Пуховичского районного краеведческого музея Александр Пранович, много лет друживший с композитором.

«В Сальске я пошел в первый класс железнодорожной школы № 9, – рассказывал Игорь Михайлович много лет спустя в газетном интервью. – Хотя уже забыл имя и фамилию своей первой учительницы, всегда вспоминаю ее с уважением и теплотой. В течение многих-многих лет я приезжал в Сальск и навещал ее. <...> Как-то в первом классе – настолько мне нравилась моя учительница! – я вместе с девочками пошел в кружок кройки и шитья».

О школе в Марьиной Горке таких проникновенных воспоминаний у него не осталось.

– Там, где нынче Пуховичский районный центр культуры (с 1925 года Марьино Горка – центр Пуховичского района. – Авт.) стояли два еврейских дома, и в них организовали школу-семилетку, – поясняет Пранович.

Наверное, в ней было не слишком уютно. Да и местные сорванцы частенько обижали хрупкого, беззащитного паренька.

Тем не менее даже в свой последний день рождения Лученок встречался с одноклассниками. «Неугомонный! – то ли восхищался, то ли гневался тогда Юрий Иванов. – Можете себе вообразить, сегодня в полдень его умыкнули и отвезли в Марьину Горку».

Пять лет прошло, а побеседовать с участниками той встречи уже невозможно. Кто умер, кто не готов по состоянию здоровья. А славно было бы, если бы эти старые люди поведали, как жилось семье Лученок в здании амбулатории на улице Октябрьской, 32, в двух шагах от железнодорожной станции. Сейчас тут отдел принудительного исполнения. Тяжелая, наглухо закрытая дверь, но Александр Александрович Пранович не видит причины печалиться:

– Хотели сделать тут музей, но какой смысл? Что тут показывать?!

«Не кичился своими успехами, не делил людей на богатых и бедных».

Главное – вокруг красивый сквер, у входа мемориальная доска, бесплатно выполненная прославленным скульптором Александром Финским еще при жизни Лученка. «Мой родны кут, як ты мне мілы...» – звучит высеченная в камне мелодия для тех, кто умеет ее прочитать. Для тех, кто не знает нот, гранит безмолствует. Так хотел композитор.

– Игорь Михайлович очень гордился этим маленьким мемориалом, привозил сюда людей, – вспоминает Александр Александрович. – Здесь всегда стояла корзинка с цветами.

Главное событие, случившееся с будущим композитором в этом доме, – мать заметила у него способности к музыке.

– Тут на квартире жила жена полковника, – продолжает Пранович. – Она с Игорем позанималась и сказала: «Если вы хотите, чтобы из мальчишки был толк, надо его устроить в музыкальную школу». А где ближайшее такое заведение? В Минске при консерватории. Мать бросает работу учительни-

цы и поселяется с Игорем в съемной комнатухе в Минске, лишь бы его учить.

У отца своя версия событий, чудом сохранившаяся на киноплёнке 1982 года. «Я вспомнил, что у тебя был слух, – говорит он сыну, – и начали мы с тобой учиться музыке. Купил я четырехоктавную фисгармонию, а мама скрипку на базаре, привезла ее мне, и так кустарным методом мы занимались».

Конечно, он не думал, что Игорек – так Михаил Лукич его называл – станет композитором. Единственная цель – чтобы немного научился играть.

Так с пятого класса Игорь оказался в настоящем питомнике музыкальных талантов, за одной партой с Дмитрием Смольским, под водительством лучших белорусских учителей. Невообразимо трудно было ему, не знавшему толком нотной грамоты, поспевать за одноклассниками из потомственных музыкальных семей. Выдюжил. Virtuозно освоил цимбалы. Занимался по классу фортепиано у знаменитого профессора Шершевского. Сквозь толщу лет пронес свое тогдашнее увлечение Шопеном, созвучное его утонченной душе.

А лето всякий раз проводил в Марьиной Горке, куда отец перевез из Червенского района крепкий дом покойного деда Луки, который и сейчас стоит на улице Фрунзе. Внутрь не заглянешь – это собственность семьи. Но можно посмотреть на вишенку, которую Игорь Михайлович особенно любил, на беседку, в которой сочинял и принимал гостей.

В отличие от большинства современных композиторов, он не набирал ноты на компьютере, а по старинке записывал их карандашом или ручкой на листе нотной бумаги. Может быть, оттого его песни о любви и Родине так крепко настоены на аромате полевых трав, на чабреце и мяте, на родном фольклоре и задушевных романсах из репертуара Голубка.

По словам Прановича, в середине 1950-х годов Михаил Лукич Лученок, работая в минской больнице, получил наконец-таки минское жилье. Но притяжение Марьиной Горки от этого только окрепло.

ТОП-5 ПЕСЕН ИГОРЯ ЛУЧЕНКА
(ПО ВЕРСИИ ЖУРНАЛА «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»)

«Спадчына»

на стихи Янки Купалы (1972)

«Майский вальс»

на стихи Михаила Ясеня (1985)

«Мой родны кут...»

*на стихи из поэмы
Якуба Коласа «Новая зямля» (1974)*

«Алеся»

на стихи Аркадия Кулешова (1972)

«Жураўлі на Палессе ляцяць...»

на стихи Алеся Ставера (1981)

Даже жену свою, брестчанку, Игорь Михайлович повстречал в доме отдыха «Пуховичи». Заглянул в библиотеку за книгой, а увидел девушку мечты.

– Он был удивительно прост, – рассказывает Валентина Савченко, жена отставного руководителя пуховичской милиции, с которым Лученок прителествовал почти полвека. – Не кичился своими успехами, не делил людей на богатых и бедных, престижных и непрестижных.

«Он подлинно народный артист Советского Союза», – обронил однажды Иосиф Кобзон.

Народный в смысле советский, кто и как бы к этому ни относился. Верный своим комсомольским идеалам, ершистый, резкий, неудобный, бесконечно талантливый и добрый, Игорь Михайлович Лученок – человек будущего, антитеза политкорректности и вежливому вранью.

Шестого августа ему исполнилось бы 85... Оценят ли его потомки, мы узнаем лет через двести. А для ныне живущих он символ белорусского XX века с его терзаниями, победами, ненавистью и любовью.

Юлия АНДРЕЕВА

**Фото Татьяны МАТУСЕВИЧ
и из открытых источников
Минск – Марьиная Горка – Минск**